

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА. К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

УДК 008; 94(481).081-82

ЗАКАТ ЧЕЛОВЕКА И ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (ИТОГИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ)

Статья 1

О.А. Донских

Новосибирский государственный
университет экономики и
управления – «НИНХ»

olegdonskikh@yandex.ru

В статье Первая мировая война рассматривается как переходный период от идеологии Просвещения к формирующемуся миру массового человека. Формулируются специфические черты этой войны, которые радикально отличают ее от предшествующих конфликтов разного масштаба. Показано, что Первая мировая открыла и опробовала новые возможности контроля над человеком. Анализируется особое значение Первой мировой для России, для которой она становится началом культурной катастрофы. Побеждают идеология и практика, построенные на убеждении в том, что можно преобразовать человека, изменив внешние формы его существования, тогда как интеллигентские оппозиционные партии, в частности кадеты, стремились к установлению демократии и уважению прав личности. После формального окончания Первой мировой продолжилась как во внутренней, так и во внешней политике ряда европейских стран, в первую очередь в Германии и России. Это нашло свое выражение в трудовых армиях, в усиленной массовой пропаганде, в смещении от религии к идеологии, в установлении тоталитарных режимов, черпающих свою силу в установке на постоянную борьбу. В итоге Первая мировая война открыла возможность перехода к массовому человеку объединяющегося человечества.

Ключевые слова: Первая мировая война, идеология, тоталитарный режим, партия кадетов, человечество, масса.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-9-24

Как известно, Бог умер еще до Первой мировой войны, которая до начала Второй мировой называлась «Великой». Об этом объявил Ницше, а сразу после этой войны Шпенглер констатировал закат Европы. Я думаю, что эти очень разные события связаны между собой глубинной внутренней связью, и тектонический сдвиг в положении и духовном самосознании европейских наций, который произошел в нача-

ле XX века, не случайно маркируется этими двумя констатациями. До Первой мировой войны мы наблюдаем неуклонный рост (начиная с эпохи Возрождения) политического и экономического значения европейских держав, доминирование христианской Европы, несущей миру прогресс и процветание. Первая мировая война покончила с христианским Богом и заодно с прогрессом. Под Верденом и на Сомме она зримо

превратила доселе гордого европейского человека в массу, и если в истории можно говорить о каком-то моменте, то именно с этого момента начинается складывание человечества.

Начнем с вопроса: чем Первая мировая отличалась от предшествующих?

- Учитывая, что в армии было мобилизовано более 70 млн человек, понятно, что в войне принимали участие в основном не солдаты, а гражданское население, переодетое в военную форму. Таким образом, это оказался первый полномасштабный вариант войны народов, а не правительств. «Армии и флоты боролись друг с другом, как и раньше, но боевые силы и военные средства сильно увеличились. Народы же иначе относились к этой войне, чем к предыдущим; они стояли сомкнутой массой позади своих боевых сил и подпирали их... В этой войне уже нельзя было отличить, где началась мощь армии и флота и где кончалась мощь народа. И вооруженные силы и народ составляли одно целое. Мир увидал войну народов в буквальном смысле слова» [19, с. 7].

- Соответственно, радикально изменился масштаб военных действий – солдат уже в принципе не осознавал, какой частью битвы он является. В пространственном восприятии солдат не было больше полей сражений в традиционном смысле – только отдельные участки фронта, по которым велся артиллерийский огонь [16, с. 13–14.]

- Началось широкое использование оружия массового уничтожения. Людей стали травить газом, как крыс. Теодор Адорно сказал, что после Освенцима нельзя писать стихи. А можно ли их писать после Ипра? С этого времени война перестала быть сражением между людьми, которые смотрят друг другу в глаза. (Можно вспом-

нить эпизод из «Трех товарищей» Ремарка, когда Кестер вспоминает глаза сбитого им юного английского летчика.)

- Впервые самолеты стали утопить траншеи противника, что потом стало нормой для Второй мировой войны. Реализовался кошмар Александра Блока:

*Глель отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?*

- Впервые (под Соммой) появилась тактика, известная как «артиллерийская подготовка»: несколько часов или даже дней бомбежек, чтобы потом пошла пехота. И это тоже позже становится военной нормой.

- Война окончательно стала серой, в отличие от предшествующих войн, где были красные, сине-белые, фиолетовые, зеленые цвета разных национальных армий и разных родов войск и т. д. «Однообразная красивость пехотных ратей и коней» осталась лишь для парадов.

- Начинается перемешивание людских масс в масштабах планеты. Англия привлекает австралийцев, канадцев и индусов. Франция завозит для работы на заводах сотни тысяч жителей из своих колоний и еще китайцев-контрактников. Воевали французские зуавы, китайцы строили дорогу к Мурманску и порт.

- Меняется соотношение полов. Если раньше женщины играли в войнах лишь пассивную роль, то в этой войне во всех воюющих странах женщины начинают заменять мужчин на заводах и фабриках. Таким образом готовится становящееся фактом в последней трети XX века уравнивание полов не только в правах (за которые борются суфражистки), но и во всех сферах общественной и индустриальной жизни.

Массовое использование пропаганды. Начали активно использовать разнообразные средства массовой информации: газеты, фотографии, радиопередачи. Враги превратились в животных [23]. Генерал Э. Людендорф пишет о том, как пропаганда разрушила единство германского народа и подорвала его силы: «Неприятельская пропаганда и большевики, стремившиеся к мировой революции, в Германии преследовали одну и ту же цель. Англия преподнесла Китаю опиум, враги внесли к нам революцию, а мы приняли яд и распространяли его, как китайцы распространяют опиум. Все сильнее разрушая пропагандой германский народ, германскую армию и флот, Антанга сумела сохранить в своих странах и своих войсках полную решимость к войне и возбудить против нас нейтральные государства» [19, с. 292].

• Рыцарство, а с ним достоинство, кончилось. А. Блок в «Возмездии» пишет:

*Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно скорится начальство,
И длинный громоздкой обоз
Волочит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...*

Об этом же говорил 2 августа 1914 г. профессор теологии Гейдельбергского университета Эрнст Трёлч, который утверждал, что «эта война больше не будет вестись «поэтическими» видами оружия в рамках этики рыцарского поединка, как это было еще в начале XIX века» [16, с. 8].

Первая мировая не только отличалась от предшествующих войн, она оказалась

роковой для последующего формирования народов в единое человечество. Первая мировая война открыла кингстоны, и в жизни человечества начали реализовываться возникшие в предшествующем веке идеологии массового человека. Иначе говоря, в европейском менталитете и соответствующей идеологии окончательно поселяется идея массового, безличного человека, являющегося средством для решения неких высших задач, целью которых становится благоденствие этого же массового человека. Война изменила установившиеся формы сосуществования людей и народов. Стэнли Пэйн в своем исследовании фашизма пишет: «Изменились привычные способы ведения политики, поскольку мировое движение к либеральной демократии и более широкому представительству в правительствах оказалось подорванным, а в некоторых случаях повернутым назад. Результатом стало огрубление политической жизни, которое оправдало поворот к политическому насилию, представив его естественным или даже нормальным. Влияние на культуру и социальную психологию было не менее глубоким, поскольку движение к оптимизму и вере в прогресс, характерное для предшествующих полутора веков, либо оказалось под вопросом, либо подверглось отрицанию» [37, р. 71]. В Европе Первая мировая война стала катализатором процесса массовизации, который Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс». В частности, этот процесс выразился во всевропейской популярности такого движения, как фашизм. Говоря о фашизме, сейчас привычно вспоминают Германию и иногда Италию. Но после Первой мировой войны это были не только Национал-социалистическая рабочая партия в Германии и Национальная фашистская партия в

Италии. Были фалангисты в Испании, хорватские усташы, представители Национального союза в Португалии, румынские железнодорожники, лапуанцы в Финляндии и др. Показательна в этом отношении Англия. «В течение всего периода его активного существования, 1932–1940, Британский Союз Фашистов (БСФ) рассматривался как внутри, так и извне в качестве части международного движения. Один из виднейших писателей БСФ, бывший член Юнионистской партии Ольстера, член парламента Билл Аллен заявил в 1934 году: «Фашизм, в качестве выражения европейской воли к обновлению, по существу есть Пан-европейское движение. Он черпает свою силу из исторических центров европейской культуры» [36, р. 447]. В большинстве названных стран фашизм рос на идее национального возрождения. Но так же, как и в Германии, он делал поэтику мощного союза единомышленников, физически и духовно сильных людей. Эту поэтику лучше чем кто-либо передала Лени Рифеншталь в своих фильмах «Триумф воли» и «Олимпия».

В России еще до окончания Первой мировой войны власть захватывает партия большевиков и устанавливается диктатура пролетариата в крестьянской стране. Начинается Гражданская война и перепахивание общества с превращением его в однородную массу, в пыль. Административная машина оказалась в руках большевиков, и они воспользовались ее возможностями в полной мере, последовательно отсекая «наших» от печати и вообще от возможности выражать свои взгляды. Уже через два дня после захвата большевиками власти вышел Декрет о печати. На его основании с октября 1917 по июнь 1918 г. были закрыты или прекратили существование более

470 оппозиционных газет [6]. Это поначалу вызвало оторопь: уж слишком это расходилось с теми лозунгами, под которыми большевики шли к власти, – но потом привыкли, и прорехи в понимании стали затыкать пропагандой. Была выстроена пропагандистская машина, не имевшая себе равных. Классовая идеология боролась за полное заполнение духовного пространства.

Пожалуй, наиболее резко это проявилось в отношении церкви, которая в силу своего положения могла оказывать определенное духовное влияние. Вооруженный марксистской формулой «религия – опиум народа», Ленин решительно расправился с православной церковью, которую лично ненавидел: «...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий» [26]. Практически сразу начались страшные гонения, сопоставимые разве что с началом христианства. Идеология растоптала религию¹. Вскрывали раки и выбрасывали мощи. Было разрушено и загажено множество церквей. Бога усиленно хоронили.

Даже писатели – «инженеры человеческих душ» – начинают представлять народ как безликую массу (достаточно вспомнить «Железный поток» Серафимовича, «единица – ноль, единица – вздор!» Маяковского)

¹ Существуют разные оценки жертв террора против священнослужителей. «Реалистичным взглядом порядок цифр, введенный в научный оборот О.Ю. Васильевой и некоторыми другими исследователями: более 10 тыс. погибших клириков и мирян в 1917–1921 гг. (не считая священников, находившихся в рядах белых). Эти данные близки к оценкам Д.В. Поспеловского и др. авторов: гибель тысяч священников и 12 тыс. мирян; расстрел в 1918–1919 гг. 4 тыс. священнослужителей и иные репрессии в отношении еще 2,3 тыс.». [17, с. 53].

и рассуждать о массе как таковой, не видя за ней отдельных людей. М. Горький пишет в 1917 году: «Русский народ обвенчался со свободой... Не нужно забывать, что мы живем в дебрях многомиллионной массы обывателя, политически безграмотного, социально невоспитанного... Так же мало воспитана в этом отношении наша буржуазия, ныне идущая к власти» [3]. 18 июня 1917 г. З.Н. Гишпиус записала в дневнике: «Везде разруха, развал, распущенность. “Большевизм” пришелся по ндраву нашей темной, невежественной, развращенной рабством и войной, массе... Против тупого и животного бунта нельзя долго держаться увещеваниями. А бунт подымается именно бессмысленный и тупой... А что, если слишком долго стыла Россия в рабстве? Что, если застыла, и теперь, оттаяв, не оживает, – а разлагается?» [2, с. 329–331].

Характерно, что в фашистской Германии тоже были гонения на католическую церковь, правда, не столь радикальные и последовательные. Здесь акцент был сделан на возрождение национальной мифологии. «Настоящий национал-социалист подчеркивает свое кровное и душевное родство с древними германцами, с людьми и богами Севера. Предварительная работа в этом направлении была проделана в рамках вагнерианства и уже существовавшего национализма, и когда выплыл Гитлер, среди немцев было более чем достаточно Хорстов, Зиглинда и т. п.» [Клемперер, с. 103]. Таким образом, это был вариант языческой реставрации, в отличие от «научно обоснованного» российского коммунизма. Националистическая идеология очень хорошо сочеталась с делом восстановления национальной чести. Так, еще одним эхом Первой мировой войны отозвались инвалиды. Их страданиями умело воспользо-

вались национал-социалисты. «В своих пропагандистских целях нацистский режим умело использовал старые требования ветеранских союзов относительно видимых жестов уважения и благодарности за жертвы, принесенные в войне. Ставя в центр гигантских манифестаций Третьего рейха ветеранов как почетных героев войны и “первых граждан” государства, нацистские руководители, прежде всего, надеялись снизить накопившийся протестный потенциал в лагере жертв войны. Кроме того, публичное чествование ветеранов в символических образах должно было дать всему населению представление о восстановлении национальной “чести” в лице бывшего ефрейтора Адольфа Гитлера» [17, с. 13–14].

В отличие от Германии, в России Великая война объявляется империалистической и позорной. Несмотря на то что в Первой мировой на полях сражений погибло в полтора десятка раз больше человек, чем во время Гражданской, о ней просто постарались забыть – она рассматривалась лишь как прелюдия к Октябрьской революции и Гражданской войне. В советское время все захоронения солдат и офицеров Первой мировой войны на территории СССР были уничтожены. Стояли только памятники героям Гражданской. Их же именами назывались города и улицы. Но поскольку это было чудовищным искажением реальной и еще живой исторической памяти, потребовалось духовное оболванивание населения путем массивной пропаганды. А инвалиды Великой войны просто оказались никому не нужными.

Естественно, что тоталитарные режимы в соответствии со своими идеологиями начинают репрессии, которые проявились как в массовых расстрелах, так и в том, что население разделили на группы, часть

которых была объявлена чуждыми. В России это были дворяне, священники, члены иных партий, в Германии – коммунисты, католические священники, евреи и другие «неполноценные» нации. Сначала их официально ограничивают в правах, а уже с конца 20-х гг. заключают в концентрационные лагеря для превентивной изоляции ненужных элементов. «В Советском Союзе, как и в нацистской Германии, лагеря символизировали идеологии, построенные на резком разделении между причастностью и исключением, и в рамках обоих режимов лагеря функционировали как инструменты «идеологической войны», целью которой было «искупительное уничтожение врагов» [35, р. 528]. Принципиальная новизна ситуации состояла в том, что люди заключались под стражу не за то, что они сделали, а за то, что они еще только могли сделать, или просто за принадлежность к определенной социальной или национальной группе (причем, когда было нужно, власти легко делали исключения: полезные евреи в Германии, спецы в СССР и т. д.). Стоит отметить, что практика концентрационных лагерей имела разные основания в СССР и в Германии. Но идеологическая логика их создания одна и та же. И общее в них то, что в них заключались не внешние враги или пленные, а внутренние, и что это делалось превентивно.

Фактически речь шла о «выравнивании» населения путем устранения всех, так или иначе возвышающихся над общим строем, над средним уровнем, и, таким образом, о создании возможности для абсолютного манипулирования. Ханна Арентс пишет, что «меры, принятые Сталиным при введении первого пятилетнего плана в 1928 г., когда он обладал почти полным контролем над партией, подтверждают, что превраще-

ние классов в массы и соответственно искоренение всякой групповой солидарности являются условием *sine qua non* тотального господства» [1, с. 18]. Но идея превращения народа в массы принадлежит, конечно же, не Сталину.

Очевидная связь между Первой мировой и идеей трудовых армий ясно выражена Троцким, например, в его докладе от 23 января 1920 г.: «Раз нам нужно переходить к трудовой повинности в широком масштабе, использовать сотни тысяч и миллионы крестьян для хозяйственных нужд, мы их не сможем мобилизовать через профессиональные союзы. Их можно будет мобилизовать только или преимущественно при применении военных методов. Их придется организовать в трудовые организации, придется придать им формы организации, близкие к военным – трудовые команды, рабочие роты, рабочие батальоны. Поскольку там мы будем иметь массы, еще не прошедшие выучки профсоюзов, придется делать организации преимущественно военные. Мы имеем уже такие организации в лице наших армий. Стало быть, их нужно использовать, приспособить к хозяйственным задачам» [30]. Это продолжение войны в разных формах фактически шло до начала Второй мировой войны, и этот опыт был использован в 1942–1946 гг.

Идеология борьбы как продолжение войны другими средствами дала название и Германскому трудовому фронту, который возглавил верный соратник Гитлера Роберт Лей. Хотя нужно заметить, что эта организация, в отличие от трудовых армий Троцкого, по структуре и некоторым задачам была ближе к профсоюзам, чем к армии.

Таким образом, средство – диктатура – оказалось гораздо сильнее цели – демокра-

тии. А интеллигентская мечта о местном самоуправлении или независимом суде реализовалась в строительстве колхозов и пресловутых тройках. В России окончательно победила идея социализма как первичности общества по отношению к личности и, соответственно, первичность права по отношению к морали (учитывая, что моральная ответственность – это личная ответственность каждого перед каждым, а право – это ответственность личности перед обществом).

Таким образом, можно утверждать, что мировая война продолжалась как физически (особенно если иметь в виду мировую революцию), так переходя в другие плоскости: политическую, идеологическую, культурную, экономическую. Продолжение войны иными средствами через двадцать один год после Первой мировой привело к ее горячему продолжению, длившемуся еще почти шесть лет. Это имело катастрофическое значение для менталитета европейцев и жителей других стран и очень важное значение для человечества в целом.

Осознание итогов Первой мировой войны шло по-разному в разных странах, в частности в России и Германии. Если в России это был переход от сознания уже распадающейся крестьянской общины к искусственному псевдопролетарскому сознанию, то в Германии, которая перед войной перехватила у Англии право называться «мастерской Европы», это был переход от буржуазного сознания к сознанию жителей Третьего рейха.

Возвращаясь к Ницше, стоит вспомнить, в каком контексте он говорит о смерти Бога. В «Веселой науке» возглас безумца, утверждающего, что Бог умер, стоит после главки «На горизонте бесконечного», в которой говорится об утрате свободы. «Мы

покинули сушу и пустились в плавание!... Горе тебе, если тебя охватит тоска по суше и дому, словно бы там было больше *свободы*, – а “суши”-то и нет больше!» [26, с. 592]. Бог гарантировал свободу. Свобода умирает вместе с Богом. Первая мировая война похоронила Бога, и Европа стала его могилой. «Слова “Бог мертв” означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силой. Он не дарует уже жизни. Пришел конец метафизике – для Ницше это вся западная философия, понятая как платонизм. Свою же собственную философию Ницше понимает как движение против метафизики – для него это значит против платонизма» [31, с. 147]. Генрих Гейне, узнав об Июльской революции 1830 г. во Франции, воскликнул: «Великий языческий Пан умер!», имея в виду рухнувшую власть Бурбонов, получивших ее от Бога. Первая мировая война, как уже говорилось, превратила человека в массу (понятно, что частица массы по определению никакой свободой обладать не может), а народы началá объединять в человечество.

Параллельно ступению тумана массовых идеологий меняется духовная атмосфера, складывавшаяся от эпохи Просвещения до начала двадцатого века. Здесь можно отметить несколько знаковых моментов.

Рухнула идея прогресса. Прогресс остался в технологической области, а нравственность и совершенствование человечества, о которых так проникновенно писал Кондорсе, остались в прошлом. Освальд Шпенглер строит свою метафизику истории в книге «Закат Европы», которая появляется в конце войны: 1-й том в 1918 г., 2-й – в 1922-м. Единого прогресса нет, есть отдельные культуры, а цивилизации – это заключительные фазы культур, не имеющие способности к развитию и ведущие к

гибели. Человечество как таковое – лишь искусственное сочетание разных культур. Хайек, со своей стороны, пишет, что одно из самых удивительных следствий развития цивилизации, проявившихся во время Первой мировой войны, состояло в том, что культура, развивающаяся как противоположность инстинктам, ведет к тому же масовому уничтожению других. Склонность к инстинктивным массовым действиям остается наследием от животных, и человек после столетий прогрессивного развития возвращается к ним [32, с. 33]. Поэтому ставится вопрос о том, что же такое человек. Именно после Первой мировой войны в Германии появляется философская антропология (Макс Шелер) с ее попыткой разобраться с собственно человеческим, понять, какое место человек занимает в Космосе. Чуть позже о том же пишет Тэйяр де Шарден в своем «Феномене человека». Шелер в работе «Человек и история» пишет: «Ницше первым продумал следствия, причем не на половину, а до самого конца – и не только продумал, но и прочувствовал в глубине своего сердца – следствия тезиса “Бог умер”. Бог может быть только мертвым, если жив сверхчеловек – он, нечто сверхбожественное, он, единственное оправдание мертвого Бога» [33]. Но вместо Бога пришла масса, массовое усредненное сознание! Не сверхчеловек. До этого человек был посредине между Богом и материальным миром. Когда Бог уходит, человек остается один на один с этим миром как его часть.

Индивидуализм европейца, завоеванный со времен Реформации критическим разумом и победой в экономике капиталистической системы, становится фикцией, иллюзией. Рационализм Просвещения ставится под вопрос исследованиями Фрей-

да и Адлера. В светлую гавань рационального прорываются волны бессознательно, замыкающегося на эресе и власти. Но при этом обнаруживается, что это бессознательное вполне объяснимо, а это значит, что индивидуализм человека в самых глубинах личного ментального пространства и даже в его снах не является чем-то специфическим, а подобен индивидуальным проявлениям других личностей. А когда в 1916 г. Карл Густав Юнг вводит понятие «коллективного бессознательного» (в статье «Структура бессознательного» («Über das Unbewußte und seine Inhalte»), у человека исчезает последний якорь, за который цеплялась бы его индивидуальность. Надежда Манделштам писала: «В двадцатом веке открыли коллективное сознание, снабдили его чем-то вроде кристалликов, нейтральных к добру и злу, и предложили куче клеток, организованных в человеческое общество, плыть в общем потоке, вслед за победителем» [21, с. 139].

Кроме того, Карл Мангейм (Karl Mannheim), работавший в Гейдельбергском университете в 20-х гг., создает социологию знания и приходит к выводу, что знание, которое, согласно идеологам европейского Просвещения, считалось абсолютным, оказалось разделенным на идеологию и утопию. Это знание оказалось оправданием существующего положения на уровне коллективного бессознательного определенных социальных групп. Здесь социология смыкается с психоанализом и тем самым еще более глубоко оправдывается идеология тоталитаризма. Как Россия нашла свое будущее в отказе от своей уникальности в пользу диктатуры пролетариата, ведущей к светлому будущему всего человечества, так Европа ответила на вызов своей уникальности явлением фашизма. Идеология начина-

ет замещать религию. И это принципиально, поскольку идеология – это всегда интересы определенных групп. Карл Мангейм главной проблемой считает «контроль над коллективным бессознательным», что и достигается пропагандой определенной идеологии: «И современное государство, и буржуазия достигли успеха в том смысле, что рационалистическое, естественнонаучное представление о мире все более вытесняло религиозное; однако при этом необходимая для рационального мышления полнота знания не проникла в широкие слои общества. Более того, распространение рационального мировоззрения не сопровождалось таким изменением социального положения заинтересованных в нем слоев, которое привело бы к индивидуализации форм жизни и мышления» [20, с. 33].

После Первой мировой войны формируется экзистенциализм, который понимает человека как существо, обретающее свою сущность в пограничных ситуациях, т. е. когда человек реально переживает ужас исчезновения.

И еще одно: если XIX век заполнен утопиями, то XX – антиутопиями. Евгений Замятин, Олдос Хаксли и Джордж Оруэлл вместо Френсиса Бэкона, Роберта Оуэна, Эжена Кабэ и Жюль Верна.

Наряду с тоталитаризмом жестким наступает тоталитаризм в неявной форме: идет активное усреднение мировоззрения. Пропаганда как система переворачивает отношение «верх–низ»: верхам не нужно собирать сведения о низах, об их мнениях и их реакциях – они диктуют низам то, что они должны думать, формируя уровень среднего человека. Любопытно, что жесткий тоталитаризм в области идеологии уже после Второй мировой войны начал проигрывать и в конечном итоге проиграл свое-

му более пластичному сопернику. Об этом специально пишет А. Зиновьев в своей книге «Запад». Если в странах социалистического лагеря идеология формировалась, распространялась и контролировалась централизованно, то на Западе такого единого аппарата нет. «Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды». Но при этом существует некая невидимая идеологическая рука, подобная невидимой руке рынка: «...западный идеологический механизм, несмотря на отсутствие формальной централизации и единства, в последние десятилетия работал быстрее, чем коммунистический, более гибко и адекватно реагировал на обстоятельства. Именно жесткость, обнаженность, прямолинейность, бюрократизм и армейская дисциплинированность² коммунистического идеологического аппарата оказались одной из причин его кризиса» [7, с. 312–316].

Начала исчезать критическая роль стоявшей над обществом интеллигенции. Интеллигенция со своей рефлексивной способностью все больше подчиняется групповым интересам. «Та “образованность”, которая позволяла интеллигенции конституироваться в виде определенного социального типа, “относительно” огражденного от непосредственных практических и экономических интересов, в настоящее время, напротив, является важнейшим движущим фактором современной социально-экономической системы. Ее специфика заключается в том, что она все более масштабно

² Выражение «армейская дисциплинированность» в данном контексте – прямое наследие Первой мировой войны.

подчиняет то, что можно назвать “образованностью” и “интеллектуальностью”, целям и задачам различных институтов. Это относится как к экономическим корпорациям, так и к другим институциональным формам: бюрократии, образовательным учреждениям, масс-медиа и т. д.» [13, с. 255]. В лучшем случае интеллектуалы, критически относящиеся к власти, образуют замкнутые в себе круги, которые не играют существенной роли в формировании массового сознания.

Ярче всего это проявилось в России, где роль интеллигенции до войны была беспрецедентно велика. Интересно проследить эволюцию настроений образованного класса в России на примере партии, которая представляла цвет русской интеллигенции, – партии кадетов (конституционных демократов) или «партии народной свободы» (часть официального названия партии). Главной целью партии было создание в России парламентарной конституционной монархии английского типа. Кадеты выступали за введение в России всеобщего избирательного права и осуществление всего комплекса демократических свобод (слова, печати, собраний, союзов и т. д.), настаивали на строгом соблюдении гражданских и политических прав личности. В экономическом плане для них оптимальным вариантом общественного прогресса в обозримом будущем было рациональное капиталистическое хозяйство. После победы Февральской революции 1917 г. кадеты играли ключевую роль во Временном правительстве, поскольку четыре ее члена (в том числе председатель партии П.Н. Милюков) стали министрами, а В.Д. Набоков стал управляющим делами Временного правительства. Но оказалось, что демократические методы управ-

ления не только не позволяют улучшить ситуацию, но, напротив, резко ухудшают ее. Особенно трагичным, по сути дела преступным, стало введение демократии в армии воюющей страны. Катастрофу спровоцировал пресловутый Приказ № 1, согласно которому вводилось двоевластие: наряду с военным командованием солдаты в политических делах подчинялись советам: «...3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам. 4) Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдат. Депутатов. 5) Всякого рода оружие, как то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям». И уже как насмешка звучит пункт б) «...В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину...» [28]. Российские социал-демократы «не рассчитали всех возможных последствий издания Приказа № 1, коими стали еще большее разложение армии и упадок дисциплины среди солдат, приведшие в конечном итоге к поражению России в войне и огромным территориальным потерям по условиям Брестского мира» [11, с. 150]. А.И. Деникин сформулировал результат издания этого приказа как «первый, главный толчок к развалу армии» [4, с. 169]. Если к этому прибавить еще один очень демократический приказ об освобождении заключенных, что привело к выходу из тюрем и лагерей наряду с политзаключенными

ми огромного количества уголовников, то ситуация в стране оказалась неконтролируемой. Во имя спасения России от полного развала, в котором они были виновны не меньше других, кадетское руководство вынуждено было согласиться на временное установление в стране военной диктатуры. Было принято роковое решение сделать ставку на военного диктатора в лице генерала А.Г. Корнилова [27, с. 167]. После поражения Корнилова партия фактически сходит на нет.

Первая мировая оставила неизгладимый и растущий со временем след в социально-политической области. После Первой мировой войны Ортега-и-Гассет пишет: «Европа больше не уверена, что правит, и остальной мир тоже. Историческая верховная власть распалась» [25, с. 173]. Если до начала XX века Европа решает судьбы мира, то уже после первого этапа Великой войны возникает идея Лиги Наций, которая потом продолжена ООН. Ленин говорит о всемирной победе коммунизма, о том же говорят деятели Интернационала. В 1929 г. Аристид Бриан озвучивает идею Пан-Европы. Шпенглер говорит о белой мировой революции, которая «соединяет в себе “горизонтальную” борьбу между государствами и нациями с вертикальной борьбой между ведущими слоями белых народов и другими слоями, тогда как на заднем плане уже началась более опасная вторая часть революции, а именно: нападение на белых в целом со стороны всей массы цветного населения Земли, медленно осознающего свою общность» (в книге «Годы решений» 1933 г.). А уже сейчас соревнуются только блоки и союзы. Отдельные страны, за исключением нескольких, играют политическую роль только в рамках союзов с другими.

Хотя процесс деколонизации идет во второй половине XX века, начало этого процесса заложено Первой мировой войной. Это относится в первую очередь к Индии (в то время под этим названием существовали, кроме нынешней Индии, Пакистан, Бангладеш и Мьянма). «Восставшая против англичан Индия, появление там будущего махатмы Ганди – это как раз 1919 год. Просто потребовалась пара-тройка десятилетий, чтобы в Индии и десятках стран поменьше оформилась казавшаяся сначала безумной идея – взять независимость. Зато когда процесс пошел всерьез, в него втянулись все. Впрочем, потребовалась Вторая мировая война и новый надлом европейской цивилизации, чтобы события эти ускорились. Самоубийство Европы как владычицы мира стало фактом» [12].

Человечество формируется как масса. Начинают утрачивать свое значение любые, в том числе национальные, ценности. Масса живет символами, а не рассуждениями. Она все усредняет. Канетти дает следующие четыре главные характеристики массы:

«1. Масса всегда стремится расти. Ее росту по природе не положено границ. Если границы ставятся искусственно, то есть путем создания институтов, применяемых для сохранения закрытых масс, то всегда существует опасность извержения массы, которое время от времени и происходит. Инструментов, которые навсегда и гарантированно предотвратили бы рост массы, не существует.

2. Внутри массы господствует равенство. Оно абсолютно и неоспоримо и самой массой никогда не ставится под вопрос. Оно фундаментально важно, настолько, что массовое состояние можно было бы определить именно как состояние абсолютного равенства. Голова – это го-

лова и не более того, рука – это рука и не более того; то, что головы или руки могут быть разными, никого не интересует. Ради такого равенства люди и превращаются в массу. Все, что способно от этого отвлечь, не заслуживает внимания. Все требования справедливости, все теории равенства черпают свою энергию в конечном счете из переживания равенства, которое каждый по-своему знает по массовому чувству.

3. Масса любит плотность. Она никогда не может стать слишком тесной или слишком плотной. Не должно быть чего-то в промежутках между людьми, не должно вообще быть промежутков, по возможности все должно стать ею самою. Ощущение наибольшей плотности она переживает в момент разрядки. Можно будет точнее определить и измерить эту плотность.

4. Масса требует направления» [9, с. 16].

Если толпа, как ее описывали Лебон и Сигеле, обладает определенной энергетикой, то масса – нет. В толпе можно затеряться, а в массе – нет. В толпе можно ощутить свое одиночество, в массе – нельзя. Это связано с тем, что толпа мыслится как нечто состоящее из людей, масса – из элементов. Об этом писал Ортега-и-Гассет. Один из главных его выводов: «Жестокий разрыв настоящего с прошлым – главный признак нашей эпохи, и похоже, что он-то и вносит смятение в сегодняшнюю жизнь. Мы чувствуем, что внезапно стали одинокими, что мертвые умерли всерьез, навсегда и больше не могут помочь. Следы духовной традиции стерлись» [25, с. 38]. И еще: «Приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека как такового, превратился из общей идеи или правового идеала в массовое мироощущение, во всеобщую психологическую установку» [25, с. 26]. Ханна Арентс описывает массу как общество, характеризующееся от-

сутствием различий, однообразием, бесцельностью, отчуждением, недостатком интеграции. Масса стирает аристократию духа, истинную элиту, которая до этого определяла культурное лицо наций.

Итак: итогом Первой мировой войны стало то, что, потеряв Бога, люди оказались один на один со сверхчеловеческой машиной уничтожения. Первая мировая война покончила с прогрессом, отделив технологическое развитие от духовного развития человека. Она зримо превратила человека в массу. И это постепенно заставляло и заставляет людей осознавать свое единство, несмотря на все расовые и религиозные различия, постепенно превращаясь в одно массовое человечество.

Литература

1. Арентс Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Гиппиус З. Живые лица. Кн. 1. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 415 с.
3. Горький М. Письма к читателям. IV (Лет., 1917 № 2–4) [Электронный ресурс] // Первая мировая война и русская литература. Летопись. – URL: <http://ruslitwwi.ru/1917/04/> (дата обращения: 11.05.2016).
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. Крушение власти в армии (февраль–сентябрь 1917). – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 600 с.
5. Донских О.А. Воля к достоинству. – Новосибирск: Сова, 2007. – 207 с.
6. Жирков Г.В. Советская цензура периода комиссародержавия 1917–1919 гг. // Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. – М.: Аспект-пресс, 2001.
7. Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008. – 518 с.
8. Политические партии России в годы Первой Мировой войны [Электронный ресурс] // История Отечества. Курс лекций. – URL: <http://histor-ru.ru/lekcii-po-kursu-istorija-otechestva/38-politicheskie-partii-rossii>

v-gody-pervoj-mirovoj.html (дата обращения: 11.05.2016).

9. *Канетти Э.* Масса и власть. – М.: *Ad Marginem*, 1997. – 528 с.

10. *Клемперер В.* ЛП. Язык третьего рейха: записная книжка филолога. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.

11. *Костяев Э.В.* Российские социал-демократы и Приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 года // *Власть*. – 2014. – № 4. – С. 147–151.

12. *Косырев Д.* Жертвы великой войны и самоубийство Европы [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/analytics/20131111/976061805.html> (дата обращения: 11.05.2016).

13. *Курешной В.А.* Карл Манхейм // *Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов*. – М.: Наследие Евразии, 2009. – С. 229–255.

14. *Ленин В.И.* Война и российская социал-демократия [Электронный ресурс]. – URL: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin26/war.html> (дата обращения: 11.05.2016).

15. *Леонов С.В.* Антицерковный террор в период Октябрьской революции сквозь призму историографии // *Вестник ПСТГУ. Серия 2, История. История Русской Православной Церкви*. – 2014. – Вып. 2 (57). – С. 38–55.

16. *Леонхард Г.* Ящик Пандоры XX века: Первая мировая война // *Идеи и идеалы*. – 2015. – № 3 (25), т. 1. – С. 7–19.

17. *Леффельбайн Н.* О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // *Идеи и идеалы*. – 2015. – № 1 (23), т. 1. – С. 7–19.

18. *Лубков А.В.* Первая мировая война и русские либералы: патриотизм – оппозиция – революция [Электронный ресурс]. – URL: <http://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/piervaia-mirovaia-voina-i-russkie-libieraly-patriotizm-oppozitsiia-tievoliutsiia> (дата обращения: 11.05.2016).

19. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1. – М.: Госиздат, 1923. – 324 с.

20. *Манхейм К.* Идеология и утопия. – М.: Юрист, 1994. – 693 с.

21. *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга: воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1990. – 560 с.

22. *Менделеев Д.* К познанию России. – Изд. 6-е. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1907. – 158 с.

23. *Ле Наур Ж.-И.* Изображение немцев во французской карикатуре времен Первой мировой войны // *Идеи и идеалы*. – 2015. – № 4 (26), т. 1. – С. 9–17.

24. *Ницше Ф.* Веселая наука («la gaia scienza») // *Ницше Ф. Сочинения: в 2 т.* – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.

25. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.

26. Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви. 19 марта 1922 г. // *Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн.* – М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Кн. 1. – С. 140–144.

27. *Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева.* – М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с.

28. Приказ № 1 [Петроградского Совета от 1 марта 1917 года]. – URL: <http://www.nvnu.ru/memorial/16.htm> (дата обращения: 12.04.2016).

29. *Резанов А.С.* Штурмовой сигнал П.Н. Милокова. – Париж, 1924. – 64 с.

30. *Троцкий Л.* Мобилизация труда. Доклад на объединенном заседании III съезда Совнархозов и Московского Совета Раб. и Кр. Депутатов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl541.htm> (дата обращения: 12.05.2016).

31. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // *Вопросы философии*. – 1990. – № 7. – С. 143–176.

32. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992. – 304 с.

33. *Шелер М.* Человек и история [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.musa.narod.ru/sheler3.htm> (дата обращения: 12.05.2016).

34. *Donskikh O.* Warum die Russen anders “ticken” // *Das Gessprach aus der Ferne*. – 2012. – N 401, Ausg. IV. – P. 10–20.

35. *Goeschel C., Wachsmann N.* Before Auschwitz: the formation of the nazi concentration camps, 1933-9 // *Journal of Contemporary History.* – 2010. – Vol. 45, N 3. – P. 515–534.
36. *Love G.* ‘What’s the Big Idea?’: Oswald Mosley, the British union of fascists and generic fascism // *Journal of Contemporary History.* – 2007. – Vol. 42, N 3. – P. 447–468.
37. *Stanley G.P.* A history of fascism, 1914–1945. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1995. – 628 p.

SUNSET OF HUMAN AND BEGINNING OF HUMANKIND (THE RESULTS OF GREAT WAR)

Article 1

O.A. Donskikh

Novosibirsk State University
of Economics and Management
olegdonskikh@yandex.ru

In the article the First World War is seen as the transition from the ideology of Enlightenment to the emerging world of mass man. The specific features of this war are formulated which radically distinguish it from previous conflicts of different scale. It is shown that the First World War has discovered and tested a new control over human masses. The particular importance of the First World War for Russia is analyzed, for which it has become the beginning of the cultural catastrophe. The ideology and practice based on the belief that any person can be transformed by changing the external forms of his existence have succeeded, while the intellectual parties of opposition, particularly the KD's aspired to democracy and respect for individual rights. After the formal end of the First World War it continued both in domestic and foreign policy of several European countries, primarily in Germany and Russia. This continuation is reflected in the labour armies, reinforced by the propaganda, in the shift from religion to ideology, in the establishment of totalitarian regimes, deriving its power from the idea of the constant struggle. At the end the First World War opened up the possibility of transition to mass man, united in humankind.

Keywords: the First World War, ideology, totalitarian regime, the KD party, humankind, mass.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-9-24

References

1. Arendt H. *The origins of totalitarianism.* New York, Harcourt, Brace & World, 1966. 526 p. (Russ. ed.: Arendt Kh. *Istoki totalitarizma.* Translated from English. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.).
2. Gippius Z. *Zhivye litsa.* Kn. 1 [Alive faces. Bk. 1]. Tbilisi, Merani, 1991. 415 p.
3. Gor'kii M. Pis'ma k chitatel'nyam. IV (Let., 1917 № 2–4) [Letters to the readers. IV (Let., 1917, no. 2–4)]. *Pervaya mirovaya voina i russkaya literatura. Letopis'* [The First World War and the Russian literature. Chronicle]. Available at: <http://ruslitwwi.ru/1917/04/> (accessed 11.05.2016)
4. Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty.* V 3 t. T. 1. *Krushenie vlasti v armii (fevral'–sentyabr' 1917)* [Essays on the Russian turmoil. In 3 vol. Vol. 1. The collapse of power in the army (February–September 1917)]. Moscow, Airis-Press Publ., 2003. 600 p.
5. Donskikh O.A. *Volya k dostoinstvu* [Will for dignity]. Novosibirsk, Sova Publ., 2007. 207 p.
6. Zhirkov G.V. Sovetskaya tsenzura perioda komissaroderzhaviya 1917–1919 gg. [Soviet censorship of the period of the power of commissioners 1917–1919 years]. *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [The history of censorship in Russia XIX–XX centuries]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2001.

7. Zinov'ev A.A. *Zapad: izbrannye sochineniya* [The West: selected writings]. Moscow, Astrel' Publ., 2008. 518 p.
8. Politicheskie partii Rossii v gody Pervoi Mirovoi voiny [Political parties in Russia during the First World War]. *Istoriya Otechestva. Kurs lektzii* [History of Homeland. Course of lectures]. Available at: <http://histor-ru.ru/lekcii-po-kursu-istorija-otechestva/38-politicheskie-partii-rossii-v-gody-pervoj-mirovoj.html> (accessed 11.05.2016)
9. Canetti E. *Masse und macht* [Crowds and power]. Hamburg, Claasen, 1962. 568 p. (Russ. ed.: Kanetti E. *Massa i vlast'*. Translated from German. Moscow, Ad Marginem, 1997. 528 p.).
10. Klemperer V. *LTI. Notizbuch eines Philologen* [The Language of the Third Reich: LTI Lingua Tertii Imperii: a philologist's notebook]. Berlin, Aufbau Verlag, 1947. 300 p. (Russ. ed.: Klemperer V. *LTI. Yazyk tretiego reiba: zapisnaya knizhka filologa*. Translated from German. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 1998. 384 p.).
11. Kostyaev E.V. Rossiiskie sotsial-demokraty i Prikaz № 1 Petrogradskogo Soveta ot 1 marta 1917 goda [Russian social-democrats and the Order No. 1 of Petrograd's Sovet from March, 1st, 1917]. *Vlast' – The Authority*, 2014, no. 4, pp. 147–151.
12. Kosyrev D. *Zbertry velikoi voiny i samoubistvo Evropy* [Victims of the Great War and the suicide of Europe]. Available at: <http://ria.ru/analytics/20131111/976061805.html> (accessed 11.05.2016).
13. Kurennoi V.A. Karl Mankheim [Karl Mannheim]. *Myslyashchaya Rossiya: istoriya i teoriya intelligentsii i intellektualov* [Thinking Russia: history and theory of intelligentsia and intellectuals]. Moscow, Nasledie Evrazii Publ., 2009, pp. 229–255.
14. Lenin V.I. *Voyna i rossiiskaya sotsial-demokratiya* [War and the Russian social democrats]. Available at: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin26/war.html> (accessed 11.05.2016).
15. Leonov S.V. Antitserkovnyi terror v period Oktyabr'skoi revolyutsii skvoz' prizmu istoriografii [Anti-Church terror during the October revolution through the prism of historiography]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tibonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2, Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi – St. Tikhon's University Review. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church*, 2014, iss. 2 (57), pp. 38–55.
16. Leonhard J. Yashchik Pandory XX veka: Pervaya mirovaya voyna [Pandora's box of the XX-th century: the First World War]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2015, no. 3 (25), vol. 1, pp. 7–19.
17. Löffelbein N. O geroizme i stradaniyakh invalidov. Invalidy Pervoi mirovoi voiny v Veimarskoi respublike pri natsional-sotsializme [On heroism and suffering of disabled people – Disabled people of World War I Weimar Republic under National Socialism]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2015, no. 1 (23), vol. 1, pp. 7–19.
18. Lubkov A.V. *Pervaya mirovaya voyna i russkie liberaly: patriotizm – oppozitsiya – revolyutsiya* [World War I and the Russian liberals: patriotism – opposition – revolution]. Available at: <http://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/piervaia-mirovaia-voyna-i-russkie-liberaly-patriotizm-oppozitsiya-rievoliutsiya> (accessed 11.05.2016).
19. Ludendorff E. *Meine Kriegserinnerungen, 1914–1918*. [Ludendorff's own story, August 1914 – November 1918]. 5th ed. Berlin, Mittler, 1920 (Russ. ed.: Lyudendorf E. *Moi vospominaniya o voine 1914–1918 gg.* T. 1. Translated from German. Moscow, Gosizdat Publ., 1923. 324 p.).
20. Mannheim K. *Ideologie und Utopie* [Ideology and utopia]. Bonn, Cohen, 1929. 250 p. (Russ. ed.: Mankheim K. *Ideologiya i utopiya*. Moscow, Yurist Publ., 1994. 693 p.).
21. Mandel'shtam N.Ya. *Vtoraya kniga: vospominaniya* [Second book. Memories]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 560 p.
22. Mendelev D. *K poznaniyu Rossii* [To the study of Russia]. 6th ed. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1907. 158 p.
23. Le Naour J.-Y. Izobrazhenie nemtsev vo frantsuzskoi karikature vremen Pervoi mirovoi voiny [The image of Germans in French caricature during the First World War]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2015, no. 4 (26), vol. 1, pp. 9–17. (In Russian)
24. Nietzsche F. Veselaya nauka («da gaya sci-enza») [The gay science]. Nietzsche F. *Sochineniya*. V 2 t. [Works. In 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 491–719. (In Russian)
25. Ortega y Gasset J. *La Rebelión de las masas* [The revolt of the masses]. Madrid, Revista de oc-

cidente, 1930 (Russ. ed.: Ortega-i-Gasset Kh. *Vostanie mass*. Translated from Spanish. Moscow, AST Publ., 2002. 509 p.).

26. Pis'mo V.I. Lenina chlenam Politbyuro o sobyitiyakh v g. Shue i politike v otnoshenii tserkvi. 19 marta 1922 g. [Lenin's letter to politbyuro members in relation to church. 19 March 1922]. *Arkhivy Kremlya. Politbyuro i tserkov', 1922–1925 gg.* [Kremlin archives. The Politburo and the Church, 1922–1925]. Moscow, ROSSPEN Publ., Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997, bk. 1, pp. 140–144.

27. Zevelev A.I., Sviridenko Yu.P., Shelokhaev V.V., eds. *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'* [Russian political parties: history and modernity]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 631 p.

28. *Priказ No. 1 Petrogradskogo Soveta ot 1 marta 1917 goda* [Order No. 1 of Petrograd's Sovet from March, 1st, 1917]. Available at: <http://www.nvmu.ru/memorial/16.htm> (accessed 12.04.2016)

29. Rezanov A.S. *Shturmovoi signal* P.N. Milyukova [P.N. Milyukov's signal to the assault]. Paris, 1924. 64 p.

30. Trotskii L. *Mobilizatsiya truda. Doklad na ob"edinennom zasedanii III s"ezda Sovnarkhozov i Moskovskogo Soveta Rab. i Kr. Deputatov* [Mobilization of labour. Report for the united session of the III congress of the Soviets of popular economy and the Moscow Soviet of workers' and peasants' depu-

ties]. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl541.htm> (accessed 12.05.2016)

31. Heidegger M. Slova Nitsshe "Bog mertv" [Nietzsche's words "God is dead"]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1990, no. 7, pp. 143–176. (In Russian)

32. Hayek F.A. *Pagubnaya samonadeyannost'. Osibki sotsializma* [The Fatal conceit. Errors of Socialism]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 304 p. (In Russian)

33. Scheler M. *Chelovek i istoriya* [Man and history]. (In Russian) Available at: <http://www.musanarod.ru/sheler3.htm> (accessed 12.05.2016)

34. Donskikh O. Warum die Russen anders "ticken". *Das Gespräch aus der Ferne*, 2012, no. 401, iss. IV, pp. 10–20.

35. Goeschel C., Wachsmann N. Before Auschwitz: the formation of the nazi concentration camps, 1933-9. *Journal of Contemporary History*, 2010, vol. 45, no. 3, pp. 515–534.

36. Love G. 'What's the Big Idea?': Oswald Mosley, the British Union of Fascists and Generic Fascism. *Journal of Contemporary History*, 2007, vol. 42, no. 3, pp. 447–468.

37. Stanley G.P. *A history of fascism, 1914–1945*. Madison, The University of Wisconsin Press, 1995. 628 p.